

— Не смейся над бедностью юноши, не смейся над бедностью зрелого мужа, не смейся над бедностью старика, у мертвых же — высший авторитет, ха-ха, забавно, — с большим интересом произнёс Тан Сяоу.

— А У, да ты серьёзно болен, всё ли с тобой в порядке? Такие мрачные слова говоришь. Держись, я в будущем обязательно буду хорошо зарабатывать, чтобы заботиться о тебе, обеспечивать тебя едой и одеждой всю жизнь, ещё и помогу тебе взять в жёны красавицу, словно цветок и яшма, родишь нескольких пухлых малышей, тогда в Долине Вечной Жизни будет шумно и весело, как же здорово!

Тан Сяоу рассмеялся:

— А ты сам женился? Уже меня собираешься женить.

— Нет ещё, семья Бай сказала, что если я не справлюсь с сопровождением, возникнут проблемы, то они не дадут мне денег и земли для женитьбы. А если дело удастся, то пригласят сваху, чтобы посвататься для меня в семье какого-нибудь местного богача, — Бай Иньфэн фыркнул. — Кому это нужно? Я уже планировал, что раз уж вышел, то и не вернусь, единственное, о чём беспокоился — не встречу ли тебя. Не думал, что Небо сжалится и позволит мне встретить тебя в столице!

Тан Сяоу, услышав его искренние слова, невольно был тронут. С самого начала не стоило в нём сомневаться. Тогда он улыбнулся:

— На этот раз, когда мы встретились, ты уж точно не бросай меня снова.

— Хорошо. На самом деле, в прошлый раз, уйдя с людьми семьи Бай, я каждую секунду жалел, беспокоился, что тебе нечего есть, не во что одеться...

Тан Сяоу рассмеялся:

— Да хватит тебе! Слово я какой-то неженка.

— Не неженка, а разве мог бы страдать отсутствием аппетита? Ладно, хватит болтать, давай быстрее найдём место поесть.

Бай Иньфэн повёл Тан Сяоу ещё в несколько забегаловок поменьше, пока не удалось одолжить кухню. Хотя работу выполняли сами, цена не стала намного дешевле, ведь в столице каждый вершок земли на вес золота, самое дорогое — это аренда, а не продукты или рабочая сила.

Тан Сяоу вообще не мог проглотить ни кусочка, но видя, как тот оживлён, не стал его останавливать.

Недолго спустя Бай Иньфэн приготовил четыре блюда и суп. Он боялся, что Тан Сяоу проголодается, поэтому не стал делать ничего сложного, чтобы не тратить время.

Тан Сяоу, увидев, что все блюда — его любимые, но съесть не может, лишь несколько листочков зелени осилил и остановился, вынужденный просто смотреть на еду в оцепенении.

Бай Иньфэн увидел, что его лицо бледное, в глазах и бровях словно застыла печаль, которую не развеять и за десять тысяч лет, от которой разобьётся сердце не одной женщины.

Он невольно вздохнул про себя и ещё больше пожалел его.

— А У, все эти годы ты ведь нормально не ел? Может, покормлю тебя?

Тан Сяоу положил палочки:

— Не надо, я просто эти пару дней есть не могу, попробуй готовить для меня завтра и послезавтра, я всё съем.

— Ты такой худой, очень в этом сомневаюсь!

— Я худой? Я же обычный человек. А вот ты, твоё телосложение — оно настоящее?

— Конечно настоящее, посмотри на меня, какой крепкий! — Бай Иньфэн продемонстрировал бицепс.

Тан Сяоу не отрываясь смотрел:

— Фальшивка, да? Не верю.

— Как можно подделать? Ты-то мне расскажи!

Бай Иньфэн был очень недоволен.

Тан Сяоу рассеянно отвел взгляд:

— Способов много, например, банками...

Бай Иньфэн со смеху ударил его кулаком:

— Что за шутки, каких таких больших банок!

Тан Сяоу усмехнулся и промолчал. Действительно, нет, он соврал. Чуть было не сорвалось «разве не растиранием увеличил», хорошо, что Бай Иньфэн не понял.

Свой брат слишком чистый, если показать ему свою истинную натуру, можно его до смерти напугать, и тогда, возможно, и братьями быть перестанем.

У людей с родословной Долины Вечной Жизни желания глубоки и сильны, об этом даже мать не знала, он обнаружил это постепенно, с тех пор как начал искать отца.

Мать говорила ему, что у отца были дела вне долины, он ушёл и не вернулся. Она несколько раз выходила искать его, но всё безрезультатно, решила, что он уже погиб на стороне. Наказала им заботиться друг о друге в долине, вырасти, возмужать, а уж потом выходить в мир. Мир рек и озёр коварен, не для них это.

Если бы не Бай Иньфэн, предложивший пойти искать отца Тан Сяоу, они, возможно, только сейчас вышли бы из долины.

Поскольку в Цзиньлине много разного сброда из трёх религий и девяти школ, они задержались в Цзиньлине на три года. Хотя в Долине Вечной Жизни не было недостатка в серебре, они были ещё малы годами, да к тому же оба милovidные, как яшма и снег, легко могли привлечь внимание, поэтому не решались показывать деньги, мазали лица сажей от котлов, выступали на улицах, одновременно разузнавая новости.

С большим трудом получили весть об отце Тан Фэнъяне, узнали, что тот, чтобы избежать

преследования жены, сменил имя, вступил в семью жены, и неизвестно как уболтал их, но даже позволили ему на деньги семьи тестя взять больше десятка наложниц, а снаружи ещё несколько десятков внешних господж, да ещё часто посещал публичные дома и увеселительные заведения...

Тан Сяоу и Бай Иньфэн нашли его след и обнаружили, что Тан Фэнъянь вместе с известной куртизанкой по имени Чусюэ живут в большом доме у реки Циньхуай, уже три дня не выходя.

К тому времени у них с Бай Иньфэном деньги уже кончились, выступали, но щедрых людей не встретили, возвращаться в Долину Вечной Жизни за деньгами не хотелось, несколько дней голодали впроголодь. Поэтому, как только проникли в тот большой дом, Бай Иньфэн сразу отправился на кухню посмотреть, что есть вкусного, а он, благодаря хорошему искусству лёгкого шага, осмелел и пошёл вглубь усадьбы, подглядел, как та женщина под пытками вымогала у отца Искусство вечной жизни.

В комнате охрана была строгой, свет тусклый, Тан Фэнъянь был привязан к стулу, глаза мутные, всё тело в ранах. Та прекрасная куртизанка уже приставила нож к его шее, выдвигая последнюю угрозу: если не согласится, жизни не сохранить. А он спокойно и весело говорил:

— Убивай! Вся моя жизнь лишь после выхода из долины по-настоящему и жила, даже встретив такую шлюху, как ты, я не пожалел!

Чусюэ в гневе одним ударом отсекла ему голову, кровь брызнула на пол.

Тан Сяоу до сих пор помнит, как стоял за дверью, смотрел на эту сцену через щель, руки и ноги одеревенели, словно не свои.

Что же за безумие должно было овладеть им, чтобы произнести такие слова!

Он не мог понять: Долина Вечной Жизни такая прекрасная, полная свободы, нет недостатка в еде и одежде, зачем же отцу было уходить и даже умирать без сожалений.

Позже он наконец понял: с созреванием тела в душе рождались желания, которые обычный человек вынести не может, иногда весь ум заполняли соблазнительные тела, и чем больше сдерживался, тем больше не выдерживал.

Увидев трагическую гибель отца, он боялся приближаться к кому-либо, ему казалось, что каждый хочет ему навредить.

И ещё кое-что он так и не сказал Бай Иньфэну: в той комнате был ещё один человек в чёрном, с закрытым лицом. Поначалу он молчал, как обычный стражник, но после того, как Чусюэ убила Тан Фэнъяня, он упрёкнул её, что та слишком импульсивна.

Чусюэ съёжилась, поклонилась, прося прощения, и назвала его хозяином.

Тан Сяоу тогда был ещё слишком мал, боевые навыки слабы, он боялся, что Бай Иньфэн найдёт его, и их обоих обнаружат, поэтому тихо ушёл, чтобы встретиться с Бай Иньфэном, обыскивавшим кухню в поисках еды.

Бай Иньфэн с гордостью показал ему большой мешок с сухим пайком и вяленым мясом. Тан Сяоу тогда чуть не лопнул от злости: какое сейчас время, а он всё еду ищет, и вправду маленький дурачок!

Но после приступа гнева мрак в душе несколько рассеялся.

Позже им с большим трудом удалось выследить скрывающуюся Чусюэ. Переодевшись маленькими нищими, они проникли через чёрный ход, посыпали известковым порошком, нанесли удары ножом, убили Чусюэ, отомстив за Тан Фэнъяня.

Поскольку Тан Сяоу так и не рассказал Бай Иньфэну о человеке в чёрном, тот решил, что месть свершилась, и как раз тогда пришли люди семьи Бай, и он ушёл с ними.

В то время Тан Сяоу, кроме того, что начал не доверять окружающим, ещё и считал, что у Бай Иньфэна боевые искусства не отработаны, против того человека в чёрном будет бесполезен, лучше не втягивать его в опасность, самому разузнавать новости — и безопаснее.

Теперь, встретившись вновь, всё доказало, что он просто зря беспокоился, в мире ещё много достойных доверия людей, по крайней мере, А Фэн совсем не изменился.

Тан Сяоу с улыбкой спросил:

— А Фэн, раз ты смотришь свысока на дочь местного богатея, может, у тебя есть другая любимая?

— Какая там, весь день занят тренировкой. Меч, которому научила меня крёстная, довольно интересен, я обнаружил, что Восемьдесят один меч, рубящий море, на самом деле можно сжать до девяти приёмов. Девять приёмов лаконичнее, мощнее, и из первых девяти можно ещё вывести более сокрушительный десятый. Хочешь научиться, я научу тебя!

<http://bllate.org/book/15610/1393486>